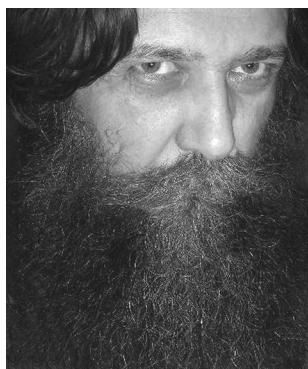

Память сердца

Василий ДВОРЦОВ

ПРАВЫЙ МИР

*Памяти моего деда
Ильи Васильевича Дворцова*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

От чего у нас солнце красное?
От чего у нас млад-светел месяц?
Голубиная книга

Батько, твои ладони –
Черпень для Океана,
Который Землю качает
Под коганцами Стожар.

Батько, твоими плечами
Мир заграждён от невзгоды,
А лысина с белым шрамом –
Адамовая гора.

Ноги твои – ворота,
Чресла – платан за гайтаном,
Свиснешь – у турок буря,
Зыкнешь – Кавказ затрусит.

Батько, ведь будет ладно,
Коли я тоже стану
Сильным, как ты, и смелым,
Истинным казаком?

«Добре же, сынку, добре.
Наша руда не иссохнет –
Христос нам поставлен примером,
За ним мы походствуем с верой,
Русскую правду храня.

Пику ты примешь и шашку,
Фартовую ту фуражку,
Что в турках чуток подкопtilась,
В Манчжурии залоснилась,
В Румынии обожжена.

Главное ж, сынку, наследство –
Наше казачие братство,

Наша вкругалье порука
Душу поломжить за друга,
Смерть за побрата принять».

Батько, а как же мамо?
Серденько разве сдюжит
Коли вражина сабля
Батькину шапку сшибёт?

«Полно тебе балабокать.
Мужчинам не дело окать.
Как поле весною бороним,
Мы тоже зерно в нём хороним,
Но радостно на душе.

Ведь смерть, что её сторониться?
Она лишь кордон на границе.
А там ещё вельше просторы –
Степи, лиманы и горы,
Дедов честная страна».

Батько, скажи, а скольких
Врагов басурман и немчи'нов
Своими швыдкими руками
Ты порубал-пострелял?

«Зерно, умирая, рожает.
Не аду казак угождает –
Не только гурдой казак машет,
Он пай свой шанует и пашет,
Ниву трудом семенит».

* * *

Казак Василий сына Илию
Вёл шляхом под густыми камышами.
Азовские ветра внахлёт шуршали,
Вздывая облака на западном краю.
Стрижи, в поднебье искрами звеня,
Пророчили горячую погоду,
Всласть чавкали сазаны подле брода,

Где в Ее сивого дедок поил коня.

Казак Василий с сыном налегке
Спешили осмотреть свои покосы.
Над топким бережком тряслись

стрекозы,

Бульбукал квас в заплечном туеске.
Босой Илийка успевал на круг
Рубать лозинкой лопухи и дудник.
Кузнечиков испуганные дуги
Трещотками живили сонный луг.

Казак Василий, отирая шрам,
Дымил на солнце как дождём омытый.
Под гимнастёркой, жинкою зашитой,
В плече свербили девять вражых грамм.
А в сердце спела Божья тишина,
Густилась негой с каждым полным

вдохом,

И блазилась дурнейшим брёхом
Горячая гражданская война.

Сынишка победил «врага»
И убежал на вздыбленность кургана.
Издалека, как с плечи великана,
Тянул ручонки к кучным облакам.
Тянул ладошки к чёрточке орла,
Царившего над полночным краем –
Казачьим рукотворным раем,
Щедротами усвятого стола.

Орёл кружил над купами садов,
Над житнями, гречихой и бахчами.
В станичных пташнях пивени кричали,
Мычал под липой самопас коров.
Дымились люльки важных стариков,
Белели в грядах женские рубахи.
Для новой мельницы тесала плахи
Семья иногородних мужиков...

Орёл оглядывал курган, и шлях,
И плёс речной, и хутор дальний.
Когда-то заболоченные плавни
Трудом преображённые в поля.
Кубанским нивам краю не видать –
Особый свет работных полдней.
Орёл, мальчишка пусть запомнит
Вот эту тишь, вот эту благодать!

Линейная, граничная земля –
Царицын дар, потёмкинская милость.
В походах дальних сердце так томилось
Вернуться на призыв коростеля,
Вернуться к серым плетям бузины,
Коснуться притолки родимой хаты,
Огладить лбы прижавшимся ребятам,
Вдохнуть впотаю молочный жар жены.

Казак Василий, растирая пот,
Смотрел на набегавшего Ильюшку.
Что нужно человеку? Всё в краюшку –
Чуток землицы, двор, здоровый скот.
Что надо человеку? Правый мир,
Вот это небо, эти камышины,

Речная рябь, сливовица за тыном,
Курган, орёл, да коники для сына.
Что надо человеку? – Правый мир.

* * *

...Батько, ведь будет ладно,
Тоже когда я стану
Сильным, как ты, и смелым...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ніч яка місячна, зоряна, ясна!
Видно, хоч голки збирай.
Украинская народная песня

Эх, сторона Амурская,
Амурная страна –
Куда дорожка узкая
Ты в полночь повела?

Где конармеец в валенках
Скрипит снежком тайком?
Там, где резная ставенка,
Свет лампы за стеклом.

Ах, кабы на мгновение
Мелькнула б только тень –
Развеять бы сомнения,
Что мучили весь день.

Весь день бойца мурыжили,
Злобнее, чем комзвод,
Что кавалеристов лыжами
Изводит до икот.

Манеж, политзанятия,
Иприт, прицел, клинок.
Рубить лозу занятнее,
Чем драить банный блок.

Но день за днём последние
Чума идут чумой:
Все двадцатитрёхлетние
Мечты лишь об одной.

О той, чьи косы чёрные,
И карие глаза –
Пронзила чудотворная
Маньчжурская краса.

Девчонка-орочоночка,
Царевна на селе.
Столкнулись за околочкой
В спящей белизне,

И звёздами лежачими
Дорожка повела...
Да нешто вправь балачили –
Шаманские дела?

Мороз и искры синие,
Скрип-скрип, кхы-кхы, скрип-скрип.

Стоит герой весь в инее,
Ресницами залип.

Застыл, лишь мысль иголкою –
Мелькнёт в окне? Мелькнёт?!
И пусть за самоволкою
Комвзвод наряды шьёт.

* * *

Всадник молодой из далёких стран
Средь своих друзей –

словно царь-журавль
В круге селезней, между куликов...
Такой гордый взгляд серебристых глаз,
Такой звонкий крик, такой лёгкий шаг...
Всадник молодой меж своих друзей –
Словно гром средь туч, словно молния:
Я взглянула раз – покачулся мир,
На второй мой взгляд

звёзды ссыпались...
Всадник молодой ... сердце замерло...
По весне с югов зуйки ранние
Весть пропели мне – он уже в пути.
Летом шмель гудел – жди да жди его,
А по осени – сливы в осыпи
Прошептали мне о его шагах...
Всадник молодой, тонкой заледью
На Тюкан-реке прозвенел твой конь,
Отмеряя срок наречённому...
Я ж звала тебя средь ребячьих игр,
Я в девичьих снах тебя ведала –
Такой гордый взгляд серебристых глаз...

* * *

«Граница по Амуру, а за ней –
Квантунцы-оккупанты интригуют,
Хунхузы контрабандою торгуют,
Шпионят всем китайцы за свиней...
Не спит всемирный империализм,
Что люто ненавидит власть Советов.
И нам поставлена Военсоветом
Задача защищать социализм».

Тов. Штейн, дивизионный комиссар,
Долдонит уже час не уставая.
А за окном – капель и птичьи стаи,
А за окном – гром солнечных фанфар.
И тихо пухнет полусэскадрон
Как почки на напряжных ветках:
Полсотни молодых и крепких –
Кто не Геракл, тот точно Аполлон.

Товарищ Штейн, эх, если б про любовь!
Полсотни молодых и крепких
В мечтаньях о блондинках и брюнетках,
А вы всё – «гроб, раб, зуб, диктат и кровь»...
Да парню в эту пору брат лишь конь,
Скакать по полю в три креста аллюра,
Скакать-ласкать, снимать красу

с прищура,
Внимать-вживлять в себя весны огонь.

Полсотни молодых рубак-рубак –
Лишь только укажите направление
Атаки лавой – и воодушевленье

Зарадужит на безморщинных лбах.
Лишь только отмахните им: «Руби»!
И молодость самодовольной силой
Сметёт, снесёт громилу и верзилу
На Висле, на Дунае, на Оби.

Зачем долдонить про пролетариат
В его интернациональной цели?
Про роль ВКП(б) на авансцене
Грядущих общемировых рейхсрат?
Зачем? Ведь за окном возжитиё,
Вот-вот багульник зацветёт на сопках.
И гуси-лебеди в болотцах топких
Трубят весне предназначение её...

Лишь «всадник молодой» среди других
Не мялся, не вздыхал, не мучил кантик –
Он две недели, как уже женатик,
Он две недели при делах мужских.
Ах, Антонина, Тонечка... жена...
Красавица шаманских сказок...
Нет слов для счастья, нету нужных
красок –
Амурский край, амурная страна!

Амурский край. Вкруг сопки да тайга,
Доверчиво невинная природа,
Доверчиво наивные народы.
И всё по-полной – солнце и пурга,
Жара и ливни, без преград ветра.
И та ж любовь – чиста и безоглядна.
Наивностью доверчивой нарядна,
Невинностью доверчивой светла.

Антоночка, Антонушка... жена...
Когда б Илья мог загадать такую,
Когда и где вообразить родную,
Что б так душой и статью сложена?
Подумать только – доля казаку:
За тыщи вёрст фортуна подкузьмила,
Приказом отмахнув почти полмира,
Излить Кубань в Туранскую тайгу!

И низкий же фортуны той поклон!
И благодарствие служивой доле
За то, что так не перекасти-поле,
А высших смыслов выполнен закон.
Закон и по земному подтверждён
Приказом командира гарнизона.
Эх, расщепилось братство эскадрона –
Такой затейник в бабство уведён!
«...Советская граница, а за ней
Квантунцы-оккупанты интригуют...
Хунхузы контрабандою торгуют,
Шпионят всем китайцы за свиней...»
Тов. Штейн, дивизионный комиссар,
Долдонит два часа уже, зануда.
И ждёт жена, Антошечка, Тонюта...
И жжёт нутро от солнечных фанфар...

Сыны крестьян и бедных казаков,
Сопят в тоске по подвигам былинным,
Где порох в смеси с потом лошадиным,
Где скрипы портупей и звяканье клинков.
Где все герои в главных орденах,

Где честь и слава за лихим наскоком...
Но, батя строгим обложил зарокон
В любых раскладах, любым боком
В межбратских не участвовать боях.

* * *

...Летом шмель гудел – жди да жди его,
А по осени – сливы в осыпи
Прошептали мне о шагах твоих...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В эту ночь решили самураи
Перейти границу у реки.
Песня, слова Б. Ласкина

Уже четыре дня
окопье озера Хасан
накрыл слепой туман.
И оттого в штабах дурман,
и вся стратегия – обман,
отписка для Кремля.

Обман, везде обман:
в верхах нет планов для войны –
приказы Блюхера темны,
для Мехлиса они блажны,
а Штерну вовсе не нужны –
туман, во всём туман.

Туман четыре дня.
Не в силах выполнить приказ,
в грязи кавполк под хвост увяз.
Обозы где-то сбились с трасс,
и авиация без глаз
уже четыре дня...

Чья канонада с двух сторон
четыре этих дня?
Где танков наших эшелон?
Не видно собственных колон,
и сухопайный слюногон
жжёт глотки до синя.

...Уже четыре дня
Хасан накрыл туман...

* * *

Муж бесценный мой, шлю тебе привет
От родных, друзей, от соседей всех!
Будь здоров всегда, смелым будь во всём,
Защищай Советскую нашу Родину,
Трудовой народ, справедливый строй.
Враг жесток как волк, росомахой подл,
Ты ж как сокол будь, остроглаз и скор –
Ждём с победой мы – я и деточки:
Богатырь наш сын, продолжатель твой
И малюточка, дочь-красавица.
Мой любезный муж, дорогой мой муж,
Весь в тебя герой, наш Володенька,
Такой гордый взгляд – словно
царь-журавль...
Береги ж себя, мой желанный муж!
Защищай Советскую нашу Родину,
Дело Ленина, дело Сталина.
Ждём тебя домой, очень ждём тебя...

* * *

Разведка дважды возвращалась в ноль.
Ракета жжёт туман – взывают мины –
И треск разрывов, ярость матерщины,
Туда – «Ура!», «Банзай!» – оттол.
Разведку жаль – потери велики.
Ещё большей бессмысленность потери,
Когда решать задачи артиллерий
Штабными посылаются стрелки.

Когда две батареи за спиной
Молчат в отсутствии снарядов:
Снаряды ж не доставлены со складов!
За то в достатке блажи должностной.
Снабжение – пораженческий бардак,
Пехоте даже окопаться нечем,
Винтовки не пристреляны, но едче
Всех дурей у связистов кавардак.

Приказы сыплются – чумной шабаш,
Раздёрганные части в канители.
В такой неразберихе враз поверить
В предательство и саботаж.
В такой неразберихе взвод Ильи
Распешили уже под утро.
Туман озябшим перламутром
Залётных трассеров студил угли.

Задача: выйти в левый фланг врага,
Нащупать брешь в японских
заграждениях,
Им скрытно нанести по силам
разрушения,
И отступить ... неведомо куда.
«Задача есть? Так, значит, выполняй.»
На подступах у сопки Заозёрной
Трава от крови стала буро-чёрной –
За штурмом штурм уже четыре дня.

Ночной туман... Колонною по два
Брели бойцы в липуче серых шорах.
Туман, туман... Сопенье, хруст и шорох...
Спина переднего видна едва.
Ночной росой промочен под живот,
Цепляясь за татарник шашкой,
Илья упорною букашкой
Ручной тащил за взводным пулемёт.

Тащил, вздыхал, стараясь не отстать.
Не так, не так всё представлялось дома –
Доведших до кровавого содома,
Товарищ Сталин, нужно расстрелять!
Товарищ Сталин, мы же конный полк:
Обучены манёврам и разведке,
Научены рубить, стреляем метко,
А проволоку резать – что с нас толк?

«Задача есть? Так, значит, марш вперёд!»
Ночной туман... Слепая тишина...
И вся надежда – взводный старшина
Он точно выведет, и отведёт.
Он им отец последние шесть лет –

Спокойно мудрый, ветеран германской,
Рубивший пепеляевцев в гражданской,
Не ведавший ни дробы, ни сует.

Илья сперва дотошно подражал
Во всём его уменью и терпенью.
За старшиной ходил, до смехов, тенью,
Но в этом подражанье возмужал,
Встал, развернулся в твёрдого борца.
И вот, сержант и замкомвзвода,
Ботеет под лопатой пулемёта –
Жалеючи наводчика-юнца.

Кавалеристам не в удобь пешком.
В ночной росе шушанье и сопенье...
Спина переднего, татарник, и томленье
Отходит смрадным к заднему душком.
Туман, туман... Сверяет командир
По компасу и забирает влево.
Как видит он? Ни кустика, ни древа...
Спина и запах – весь ориентир...

Сопенье, хруст... Вдруг дикий крик
«Дэс ка?!»

Ребята не стянули карабины –
Мрак пыхнул гроздьями рябины –
Кто рухнул, кто рванул в бега.
Пальба в упор, и сверху на Илью
Припал комвзвод горяче-мокрый.
Разрядка судорог и хрип недобрый –
Шаги кромешны к инобытию.

Пальба в упор – «Банзай! Банзай!»
Банзай!»

Орут японцы близко-близко.
А где искать для «дегтярёва» диски? –
Туман и ночь! И шёпот: «Отползай...»
Так, даже смертным мигом старшина
Прикрыл Илью пробитым телом.
Да, Господи, таким примером
Исправится любая кривизна!

И ты поймёшь, что есть твоя страна,
Твои товарищи, жена и дети –
За что всегда, в любом суде в ответе,
Без оправданий и сполна.
Пускай твой фронт – костяшки кулака,
Пускай вокруг предатели-иуды,
Тебе даются истины минуты,
Когда душа раздета донага.

Тебе даётся право устоять,
Не уступить, не слечь, не уклониться –
Поступок и в кромешной тьме зарницей
Способен жизнь поднять и осиять.
«Противник справа! Всем залечь!

Стрелять!

Огонь! Огонь!» – Откинувшись на спину,
Илья так – лёжа, бил из карабина.
И рядом подхватило залпов пять.

Нет, то не слёзы, то с бровей роса –
Прощай, отец, с войны ушедший с миром.
Увидевшему вечность командиру

Илья ладошкой призакрыл глаза...
Японцев что слизнуло темнотой –
Туман, колочки – нешто, правда, были?
Покликались, собрались, кто живые.
Перевязались, встали рядовые.
Илья, как самый старший:

«Взвод, за мной!»

* * *

...Ждём с победой мы – я и деточки:
Богатырь наш сын, продолжатель твой
И малюточка, дочь-красавица...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ.

В течение 16 сентября наши войска
вели бои с противником на всём фронте.
1941 г. От Советского Информбюро.

* * *

Сентябрь цветится. Речка Мга
Петлявится узорно меж болот.
Заладожья простуженный извод.
Осинки откраснели донага...

Вода кристальна. В бережной подмыв
Над родничком набился листопад.
Врезаясь в бледно зреющий закат,
Далёких облачков горит извив...

Онежье, Волхов – колыбель Руси,
По плёсам клики лебединых дев.
И здесь святые, сердце разогрев,
Сияли Духом: «Милостив, спаси»...

* * *

Со станции Любани от врага
С утра харкает смертью миномёт.
Успешно заминировав подход,
Фашисты концентрируют войска.

Железную дорогу перекрыв,
Враг душит окружённый Ленинград.
Для группы армий «Север» нет преград,
Вильгельм фон Лейб нацелен
на прорыв.

За веком век сюда тевтонцы-псы,
Алкав лихвы, тянули боль и гнев.
Так вот и ныне – злобою протлев,
Ползут туманы кровавой росы.

* * *

Сентябрь цветится. Речка Мга
Петлявится узорно меж болот...
Со станции Любани от врага
С утра харкает смертью миномёт.

Заладожья простуженный извод.
Осинки откраснели донага...
Успешно заминировав подход,
Фашисты концентрируют войска.

Вода кристальна. В бережной подмыв
Над родничком набился листопад...
Железную дорогу перекрыв,
Враг душит окружённый Ленинград.

Врезаясь в бледно зреющий закат,
Далёких облачков горит извив...
Для группы армий «Север» нет преград,
Вильгельм фон Лейб нацелен на прорыв.

Онежье, Волхов – колыбель Руси,
По плёсам клики лебединых дев...
За веком век сюда тевтонцы-псы,
Алкав лихвы, тянули боль и гнев.

И здесь святые, сердце разогрев,
Сияли Духом: «Милостив, спаси»...
Так вот и ныне – злобою протлев
Ползут туманы кровавой росы.

* * *

Что за судьбина – воевать пешком?
Спасибо, разрешили в марш

без сабель.

Но марш неловок – кто-то косолапил,
Тот шаркал, этот ёрзал под мешком.
Осенний лес по-северному светл,
К тому же месяц наполнялся силой.
Дорога-полугать по-над трясиной
Вилась сквозь ночь меж ив, осин и ветл.

Осенний лес в полглаза полуспал.
Сентябрь – покой, не срок

для непогоды,

В нём бабье лето, лирика природы,
В нём только то, в чём мир уже устал.
Но всё же лес развесил в полный цвет
Лоскутные платки берёз и сосен,
На влажность веток месяц блёстки

бросил,

На мшистый бархат – серебро монет.
Кавалерийский сто девятый полк
Под утро вышел на разъезд Погостье,
Поспешно окопался к встрече «гостя»,
Развёл по точкам пулемёты, смолк.
Ни звука в страхом съёженных домах,
Лишь где-то нудно выли две собаки.
Да в станционном новеньком бараке
Пел слабоумный о «любви волнах».

Но ровно в полдень, хоть сверяй часы,
Лес за околицей залился гулом:
Шесть «панзеров», тупых,

квадратноскулых,

Ползли, задрав короткие носы.
Дорога выгибалась под селом,
Удобно в бок фашистам броневойной –
Хлесть из болотца! Танки межсобойно
Подёргались, и к лесу напролом.

Разведка боем... Первый танк зажгли,
Дым чёрным шлейфом по стерне стелился.
А гул в лесу всё нарастал, копился,
И грянул ужасом разорванной земли!

Тяжёлые снаряды – визг и вой –
Вбивались в насыпь, в избы, в огороды,
И поднимались, разрастались всходы
Цветов из ада, нави ледяной.

Рвалось подземье грязью в облака...
Осколки брили тальники в болотах...
А после поле всё усеяла пехота –
Шли кучно два, а то и три полка.
Шли как-то нагло, грубо, зло –
За цепью цепь. Неспешно залега,
Стреляли, снова шли. Будто играя,
Будто для них всё в жизни уж «зеро».

А захлебнулись! Из оставшихся в строю
«Пятидесятисимок» – залп ребятам!
К ним пулемёты, ближе – автоматы!
Пришлось поползать прусскому хамью.
...Воронки, трупы, дым...

А где ж оно, село?

Пожарный смрад, обугленные груды,
На чёрном – белые печные трубы –
Жило Погостье, вот и отжило.

Могилы изб, могильники дворов...
Амбары, бани, стайки, сеновалы
Разорваны, размётаны, в развалах –
Белёсый дым в смятии ветров.
Белёсый пепел всех крестьянских дел –
Двужильных, потных, грыжевых,
натурных.

Мужицких, бабьих,
всесемейно дружных –
Деревни русской жертвенный удел.

Кто вспомнит, кто их перечтёт –
За все века нашествий, сеч, сражений,
Те сёла – голубицы всесожжений,
Чья жертва вкупе небо покачнёт.
Коган иль конунг, цезарь иль ногай
К вселенскости ведут свои походы,
Ища бессмертной чести и доходов –
Что перед ними лапотник-ратай?..

Чуть засмеркалось. Через насыпь в тыл
Услали тяжко раненых к телегам.
Окопы крыли нужды челоуеков –
Кто нож точил, а кто штаны сушил.
Но немцы дня не дали на отстой,
И вновь разъезд, точнее – что осталось,
Стеной накрыла гаубичная ярость,
Вновь те же ужас, смрад, и визг, и вой!

Во фланги танки двинулись скобой.
Не ослабляя плотность артобстрела,
Фашисты обошли Погостье слева,
И справа завязали ближний бой.
Неслось цепное эхо: «Отступать!»
Снимались, отходили эскадроны.
Стволы каля, последние патроны
Палили «дегтярёвы» в «чёрта-мать».

Паскудно, горько... Уходил полк в ночь
Ополовиненный, смурной, разбитый.

Просёлок чавкал глиною размытой,
А позади ... задуматься невмочь...
А позади ещё дробился бой –
Там билось, прорывало окруженье
Оставленное подразделение,
Отход полка прикрывшее собой.

...В живых осталось сорок семь из ста...
Лежали конармейцы, вкруговую
Отстреливаясь в темень дегтевую.
Но всё ж прицельно, скупое, не частя.
Пылал, спасая эскадрон, вокзал.
Отсюда к переезду – метров двести.
Их пробежать бы разом, вместе!
Да раненный Илья порыв вязал.

Он трижды лично поднимал ребят,
Вставали все за командиром!
Но подломило ногу ближним взрывом –
Теперь для всех обуза лейтенант.
Жгут пережал рванину на бедре,
Но долго ль сдюжит вязка бинтовая?
Бойцы Илью, собою прикрывая,
В воронку затащили во дворе.

И вокруг легли: козь смерть –
на всех одна.
Коль погибать – лишь Богом
все судимы.

Мы, русские, ни кем непобедимы –
Нас не сломать ни чем и никогда!
Нас не согнуть – в нас вера и любовь,
Мы, русские, – надежда всей планете.
Судьбу свою мы, не торгуясь, встретим,
В бою за други изливая кровь.

Бойцы-товарищи –
мальчишки-стригунки...
Вот Дима Зотиков, вот Рафик Кобут...
По месяцу у всех солдатский опыт –
Устав, разбор винтовки, турники.
Дивизию собрали в пень с грехом:
Амур, Алтай, мордва, башкиры...
Обстрелянные частью командиры,
А рядовые – лишь б сидел верхом.

Бесстрашные рубаки лопухов,
Вчерашние заточники заборов
Иванко Клуша, Петька Провоторов –
Сыны крестьян, казаков, пастухов –
Дерутся в обороне круговой,
И даже в мыслях не мелькнёт
сдаваться.
«Приказываю: с боем прорываться!
Я остаюсь. Я отвлеку... собой...»

Да что ж такое? Что, им не приказ?!
Сползлись, чумазные, и митингуют.
Вот в плащ-палатку как бревно пакуют,
И четвером поддёрнули нараз...
«Мы ж русские, товарищ лейтенант!»
Гранаты – перебежка, вновь гранаты –
Как грамотны в бою его солдаты!

Вперёд, вперёд! Всем жить, всем жить,
ребята!
Вперёд, вперёд! Хватило бы гранат...

* * *

...Онежье, Волхов – колыбель Руси...
За веком век сюда тевтонцы-псы,
Алкав лихвы, тянули боль и гнев...

ГЛАВА ПЯТАЯ

НИ ШАГУ НАЗАД!

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах,
батареях, эскадрильях, командах,
штабах.

Народный комиссар обороны И. Сталин

От Дона до Волги холмы запечённые.
Смесь глины и мела – смесь ржи
и пшеницы.

По бурым окоркам полынью горчённые,
Объёмно-обзорные пышки-царицы,

Ковриги, куличница, колобы, просфоры –
От Дона до Волги земля самобранка.
И вкусно так чудится – звёздами

Осолено небо в заре-вышиванке.
острыми

Придите, вкусите! Народы, народности,
Входите в чертоги для братского пира!
Просторно для песен, бесед
в беззаботности,
Привольно для дружбы, вольготно
для мира.

Изведайте, гости, заветной сердечности.
Священные земли от Волги до Дона
Приподняты к истине,
вздыблены к вечности –
Здесь небо прозрачно до Отчего трона.

Здесь слово – молитва, хоть криком,
хоть шёпотом,
Здесь мысль – сразу сила,
что горы воротит.
Но! Эхо прощения скатами грохота
Накроет неправого, громом смолотит.

О чём вы молились?
Чего ж вы так жаждали?
Пришедшие ныне с закатного края?
Окопами взрезана пышечность каждая,
И бомбами крошатся в пыль караваи.

Кто вы? На каких языках ваши ропоты?
Германо-романские, кельтские
вскирики...
Хворит одержимостью ваша Европа там
Под новым вождём, сатанински
безликим.

Мы звали гостей в наши земли сычёные,

Но вы-то не гости – пустые глазницы...
От Дона до Волги холмы запечённые –
Смесь крови и пыли – смесь ржи
и пшеницы.

Ковриги, куличиха, колобы, просфоры –
От Дона до Волги земля в урожае.
Но пышат зарницы тротилом
и фосфором
И режутся, крошатся в пыль караваи.

* * *

Приказ Наркома обороны
И. Сталина:

О мерах дисциплины в РККА,
О жёстком пресеченье
самовольных
отходов войск

под натиском врага.

Бросает
все
свои резервы
Враг,
не считающий
потерь,

Неся
насилье
и ущербы
Жильцам захваченных им областей.
Он рвётся

к нефти Прикавказья:
Донбасс потерял,
сдан уже Ростов.

Повсюду голод, смерть, и безобразье –
Развалы сёл,
руины городов.

Уже под оккупантом треть народа,
И мы никак

не можем оправдать
Дальнейшего
фронтов

отвода –
Нельзя нам глубже отступить.
Мы верим,

знаем –
нет такого груза
Чтоб наш народ
не снёс,
не совладал.

Враг страшен,
но
куда страшнее
трусы,

И
в спину
паники удар.

Отныне
только так:

НАЗАД
НИ ШАГУ!

Приказ:
для трусов учредить
штрафбат,
Заслон от паники –
заградотряды.

НИ ШАГУ
более
НАЗАД!

* * *

Орёл скользил по плевре синевы,
Раскинувшись аршинными крылами.
В край неба надувными куполами
Круглились дальних облаков главы.
Под ними зыбился чуть видно Дон
В осеннем стыло-студяном томленьи –
То голых ив сквозное обрамленьи
Финифтью оттеняло халцедон.

Орёл парил, за кругом круг скользя,
Всё более сползая в скос востока.
Ещё чуть-чуть, совсем ещё немного –
Его захватит низовой сквозняк!
Его погонит, сломит и сомнёт
Туда, где смута падями густится,
Но с клёкотом взметнулась
к солнцу птица,
Аршинными крылами сила взлёт.

А с той неизмеримой высоты –
Бугры, холмы – как вздохи тяжкой глины
Между изложин и платформ целинных,
Как панцири могильной пустоты.
Холмы делили водосборы рек,
Что круто развели пути варягов:
По Волге плыли к персам,
в царства магов,
По Дону – к грекам, мимо печенег.

Валами здесь возлёт водораздел,
Определив судьбу Руси-России
От мучеников до апостасии –
Святой страсготерпения удел:
От Волги мы язычились огнём,
Семарглами, велесами, сварожьем,
А с Дона встретили единобожье,
Фаворский свет теперь навечно в нём.

Всё круче птица восходила ввысь,
Всё шире разрастались её крылья...
Вдруг звёзды заискрили тонкой пылью
Вкруг солнца распахнувшихся кулис!
Орёл достиг космической каймы,
Тень крыльев перекрыла пол-Европы.
По ней волнами нового потопа,
Дымы, дымы... Одни дымы, дымы...

Земля горела... Мокрая земля,
Осенняя, остудная, пустая.
Познавшая ненужность урожая,
Нематеринской зряшностью боля...
От Дона к Волге по её груди
Катили, топали, ползали, летели,

В двенадцать языков взахлѣб галдели
Язычеств древних новые вожди.

На тех же междуреченских холмах
Вновь для Руси-России перепутье:
Что Запад? Что Восток? –

Везде, по сути,
Чужая кабала в желаньях и в умах.
Уйти иль устоять?.. Заклад стократ...
И вот сошлись, собрались миллионы,
Упѣрлись лбами тьмы Армагеддона –
Настал твой час, Царицын-Сталинград!

Час вне часов – он как последний вдох.
Пять месяцев, то пыль, то снег

С холма Мегиддо на курган Мамаю
Сходила злоба браней всех эпох.
Сводилась лютость древних упырей,
Чтоб ей сгореть в огне упорной веры –
Алтарь войны – алтарь любви без меры,
Нет на земле святее алтарей.

Нет в свете более любви, чем та,
Что за своих друзей теряет душу.
Она весь мир собой несѣт и дюжит:
Солдата смерть есть исповедь Христа.
А тем, кого призвали в судный бой,
Кому досталось самой полной чашей
Черпнуть, глотнуть от ярости кипящей,
Но выжить – тем не жить собой...

Два миллиона улеглось во рвах,
В окопах, блиндажах, воронках,
В траншеях братских... Чьи-то
похоронки
Доныне шевелят сиротский страх.
Два миллиона... ровно пополам
Разделены не кровью, а идейно:
Налево – царство расы безраздельно,
Направо – мера счастья по делам.

...Метель волнами бѣт под
Млечный мост.
Колонны танков, сонмы самолѣтов,
Ряды колючки и гнѣздовья дотов –
Орлу уже не разглядеть из звѣзд.
Уже не различит он за пургой
Рысящий в ночь разъезд казачий
В надежде боевой своей удачи.
Миры иные ближе, звонче, ярче...
Орѣл, прощай! Тень скрылась
за Луной...

* * *

...Уже под оккупантом
треть народа.
И мы никак не можем оправдать
Дальнейшего
фронтов отвода...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Не грусти, моя родная,
В чѣрных, траурных ножах.
Казачья песня

Муж бесценный мой, шлю тебе привет
От родных, друзей, от соседей всех.
Будь всегда во всѣм предан партии,
Защищай Советскую нашу Родину!
Мы так ждѣм тебя – даже молимся...
Если ж вдруг беда, не дай Бог,

что вдруг –
Приходи любой, хоть калеченный.
Мой любезный муж, дорогой мой муж,
Будь уверен в нас, крепко любящих.
А сыночек наш в классе первым стал –
На «отлично» всё, и на новый танк
Собирает лом металлический –
Что б послать на фронт

к тебе помощью.
И дочурки в рост не по дням-часам,
Как увидят где фотографию –
На коне верхом кто-нибудь сидит,
Так кричат-звуют: «Папка-батько наш!»
Про тебя мы с ними беседуем.
Муж бесценный мой, не щади себя,
Защищай Советскую нашу Родину,
Дело партии, дело правое.
Мы же ждѣм тебя – даже молимся...

* * *

Велика ты, Россия, – не накрыть тебя
небом,
Не пройти тебя мыслью,
только сердцем объять.
Кто, как ты, белым снегом, кто, как ты,
спелым хлебом
Осиянна-преполнена, что душа
в благодать?

Велика ты, Россия, – от закатов
к восходам
Зорям нет перехода, нету сна петухам.
Вся под светом бессрочным –
оскудеть ли восторгам,
Исчерпаться ли песням, пересохнуть
стихам?

Разве ж в силу кому-то, за свой век
человека,
Разве в силу когда-то всё сказать о тебе?
Под буранностью шёлка,
за пшеничностью меха
Маятой солонцовой ты перечишь судьбе.

Ты, в своём преизбытке Богом
даденной власти,
В благолепье без края, в запредельи
красы,
Всѣ невесела, Русь, не охмелена
счастьем –
Ивняки в подтопленьях родниковой
слезы.

Голодовать и шиветь. Средь сугробов,
 В грязи, в пожаре, снайперам в протест
 Преодолеть, перенести, стерпеть
 Бомбёжки, марши, сыпи гор, оврагов,
 Понтонный хруст... и – в полный рост
в атаку!
 Путь воина – так, в рост, взойти на крест.

Лавина смяла, погребла врага.
 Последняя лавина того века...
 Илья устало отирался снегом,
 Который тоже, наконец, устал.
 Впервые солнцем полдень засветил,
 И тишина... синица пела где-то...
 Неделю не было такого света –
 Земля и небо вспыхнули победой
 В твой день, Архистратиге Михаил.

* * *

...Велика ты, Россия, – от закатов
 к восходам
 Зорям нет перехода, нету сна петухам...
 ... Приходи любой, хоть калеченный...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Вернулся я на родину.
 Шумят берёзки встречные.
 Песня, слова М. Матусовского

Ах ты, прусская сторонка,
 Эх, немецкая страна.
 Помаши-ка нам вдогонку –
 Твоя кончилась война.

Помаши да поклонися
 Победителям своим.
 Нам теперь в иные веси –
 Самурая приструним.

Посмотрели, показали,
 Доказали мы своё.
 А теперь вот приказали –
 Отбываем на восток.

Паровоз летит стрелюю,
 По родным уже местам.
 Едут гвардии герои
 С Кёнигсберга на Хинган.

Как фашисту мы поддали,
 Так японцу отольём.
 И тогда встречай, родная!
 Что разбито – соберём.

Всюду горькие разрухи,
 В каждом язва или шрам.
 Стосковались наши руки
 По хозяйственным делам.

Поле вспашем, дом отстроим,
 На заводах пустим ток.

Нашу жизнь благоустроим
 От пилотки до сапог.

Паровоз летит стрелюю,
 По разгонам и мостам.
 Едут славные герои
 С Кёнигсберга на Хинган.

Далеко зашли солдаты
 Что б в норе добить зверьё.
 Где они, родные хаты?
 Где ты, счастье моё?

Сколькох мы похоронили
 Из товарищей своих.
 В пол-Европы всё могилы,
 Плачут сироты у них.

Кто мальчикам на то ответит:
 Как теперь расти самим?
 Они наши теперь дети,
 Мы построим правый мир.

Паровоз летит стрелюю,
 По вагонам тишина.
 Едут русские герои
 С Кёнигсберга на Хинган.

* * *

Илья Васильич внука Василька
 Легонько посадил поближе к холке.
 Конь умно покосился на ребёнка,
 Всхрапнул, надул горячие бока.
 Дед под уздцы провёл за ворота,
 По сонной улочке к свободе луга.
 Полдненным жаром нежилась округа,
 Грудь распирала света полнота.

Илья Васильич вёл коня на холм,
 Откуда синью разливались дали:
 Нерча, сверкая, резала спирали
 В гравийных пляжах, в тальнике густом.
 Раскаты сопок, за грядой гряда,
 Лесистых, лысых, плыли до Китая.
 Там, за рекою, чуть клубясь и тая,
 Желтела пыль гонимого гурта.

Внучок от важности – совсем казак! –
 Толкал ногами, беспокоил гриву,
 По ходу конь кивал лишь терпеливо,
 Как опытный «совхозный аргамак».
 Они давно сдружились – конь и дед.
 Косили, боронили, вывозили
 Навоз, картошку, сено – что по силе
 Пенсионерам чуть преклонных лет.

Плато вершины. Жаркий ветерок
 Насвистывал в колючих травах.
 Два суслика, застыв на задних лапах,
 Смотрели нагло и чуток хитро.
 Как вдруг их словно смыла чья-то тень –
 То страшно высоко над головами,
 Под самым солнцем, плавными кругами
 Орёл безоблачный пикетил день.

Вполне даже обжившись на коне,
Внучок, как дед, смотрел из-под ладони
Как, чёрная на синем небосклоне,
Парит большая птица в тишине.

Орёл кружится... Значит, нет войны,
Нет свиста пуль, пожаров и разрывов –
Ведь он гнездо не заведёт без мира,
Не выведет орлят без тишины.

Подумать лишь – войны нет
двадцать лет!

Осыпались, позаросли окопы,
Поднялись гордо города Европы,
Вернулась сытность, всякий дом согрет.
Дородна, опригожена земля,
Натешена мужицкими трудами.
Поджили, расчесались бороздами
Поля сражений – пахоты поля.

Орёл вернулся в небо без дымов...
Ведь столько лет войну

не вспоминали –

В шкафу подальше ордена, медали,
Лишь всё грустней приказы докторов.
Не вспоминали ни побед, ни бед,
Ни жертв солдат, ни деревень

сожжённых,

Ни страшных культей в бане

обнажённых,

Как будто кто на память ввёл запрет.

Хрущёв боялся маршалов в Кремле,
Но как же с памятью всего народа?
В семье любой свои герои рода –
Погибшие и боль в любой избе!
А шли цветные фильмы о любви,
Артисты песни флиртовые пели,
По паркам новые качели-карусели...
И лишь мальчишкам жаждалось в бои.

Не в духе воина ношение обид.
Претензий к Родине нет у солдата.
В «запас»? В запас!

Ведь всё равно когда-то

Со службы выход... Вышел и забыт...
Илья не ныл, а поднимал детей.
Пять душ – что значит: огород, корова,
Два хряка, куры-утки... всё толково –
Казак всемоу не пан и не лакей.

Не в духе воина от Родины искать –
От матери, чья жизнь и так в детишках.
Да ей же счастье всё для них,

с излишком

Красу и силы – всю себя отдать.

От беззаветной той душевной полноты,
От жертвенности материнской доли,
Такие мы – под игом и в неволе
Сильнее мира чувством правоты.

Её безбрежная неистощимость – в нас,
Её судьба – по каплям в наших судьбах.
Везде на русском и по-русски будем
Нести её молитву и приказ...

«Смотри, Васёк, перо летит к тебе!»

И в самом деле: мощно маховое
Кружило, кувыркаясь, как живое,
Блаженствуя в свободе и гульбе.

Илья Васильич внука Василька
Покрывл фуражкой от прямого жара.
Всё хорошо. Губа лишь задрожала:
Фуражка старая – совсем как у батька.
Кружит, летит орлиное перо...
В своих путях две дочки и три сына,
На лето внуков съехалась дружина...
Вот правый мир. Всё любю. Всё добро.

* * *

Деда, твоя накидка –
Небо и сразу пещера.
В ней я слышал ночами
Ветры, громы, голоса.

Деда, твои две сабли –
Немецкая и самурая –
Молнии грозной бури,
Которые ты изловил.

Видел я, как ты косишь
Травы до горизонта,
Но что ты молчишь упрямо
Про то, как косил врагов?

Люди ж по всей планете
Песни поют о геройстве:
Мир заграждён от невзгоды
Вашей победой навек.

И, как глаза закрою,
Ясно так представляю:
Когда ты летел в атаку,
Конь твой крылатым был.

Деда, ведь будет ладно,
Что скоро я тоже стану
Сильным, как ты, и смелым,
Истинным казаком?

Деда, а, деда... Деда!!!